

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателей.

СОРА НАУМОВА
МАРИЯ ДУБИНИНА

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ*

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ

- **Мацумото Хизаши** — ученик школы Дзисин, змей-оборотень, проклятый богами и ставший человеком.
- **Куматани Кента** — ученик школы Дзисин, его духовное оружие — меч по имени Има.
- **Учида Юдай** — ученик школы Фусин, его духовное оружие — нагината по имени Кэйдо.
- **Мадока Джун** — ученик школы Дзисин, его духовное оружие — меч по имени Каёку.
- **Сасаки Арата** — изначально ученик школы Дзисин, его духовное оружие — меч по имени Цубамэ.
- **Чиёко (Томоё)** — шаманка из рода Цубаса.
- **Морикава Дайки** — учитель в школе Дзисин, его духовное оружие — меч по имени Рендзё.
- **Сакурада Тошинори** — учитель в школе Дзисин, его духовное оружие — меч по имени Гэкко.
- **Ниихара** — старый наставник в Дзисин.
- **Нишида Мамогу** — основатель школы Кёкан.
- **Ёсидзава Рё** — основатель школы Фусин.
- **Инаба Идзуру** — основатель школы Дзисин.

* Здесь и далее примечания авторов: для японских имен действует следующий порядок — сначала фамилия, потом имя

ДОВЕРИЕ.
ВСТРЕЧА ПОД ЗОНТОМ В МЕСЯЦЕ
ХРИЗАНТЕМ

- Танака Кадзуки — хозяин рёкана.
- Тэруко — его дочь.
- Умэко — девушка с фестиваля.

НАДЕЖДА.
ПУМАН У АДСКИХ ВРАТ

- Куматани Каору — мать Кенты, мико в святилище Лунного медведя.
- Куматани Сугуру — отец Кенты.
- Бабушка Сумико, Рэн, Нана и Мики, Хана, Сатоши — жители деревни Цукикава.
- Айко — погибшая девочка из деревни Кенты.
- Кинтаро — одноглазый оммёдзи.
- Юсэй — житель деревни у врат Ёми.
- Канна — дочь Юсэя.

СМИРЕНИЕ.
ПЕСНЬ РАЗЛУКИ ПОД ЗИМНЕЙ ЛУНОЙ

- Хагивара Такума — хозяин поместья Оханами.
- Таэко — молодая жена Хагивары.
- Каэдэ — служанка в поместье Оханами.
- Сару — глава банды разбойников.
- Рёта — слуга в поместье Оханами.
- Сусуму — странствующий монах.

СИСТЕМА ВРЕМЕНИ

ЧАС МЫШИ — с 11 до 1 часа ночи (9 ударов).

ЧАС БЫКА — с 1 до 3 ночи (8 ударов).

ЧАС ТИГРА — с 3 до 5 утра (7 ударов).

ЧАС КРОЛИКА — с 5 до 7 утра (6 ударов).

ЧАС ДРАКОНА — с 7 до 9 утра (5 ударов).

ЧАС ЗМЕИ — с 9 до 11 утра (4 удара).

ЧАС ЛОШАДИ — с 11 до 1 часа дня (9 ударов).

ЧАС ОВЦЫ — с 1 до 3 дня (8 ударов).

ЧАС ОБЕЗЬЯНЫ — с 3 до 5 дня (7 ударов).

ЧАС КУРИЦЫ — с 5 до 7 вечера (6 ударов).

ЧАС ПСА — с 7 до 9 вечера (5 ударов).

ЧАС СВИНЬИ — с 9 до 11 вечера (4 удара).

КАЛЕНДАРЬ
(НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ,
ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ)

Январь — МИПСУКИ — месяц гармонии, месяц пионов.

Февраль — КИСАРАГИ — месяц, когда надевают много одежд,
месяц камелии.

Март — ЯЁЙ — месяц произрастания, месяц сливы.

Апрель — УДЗУКИ — месяц дейции, месяц сакуры.

Май — САПСУКИ — месяц рисовых посевов,
месяц глицинии.

Июнь — МИНАДЗУКИ — месяц без дождей, месяц гортензий.

Июль — ЧУМИДЗУКИ — месяц литературы, месяц лотосов.

Август — ХАДЗУКИ — месяц опадающих листьев, месяц космеи.

Сентябрь — НАГАПСУКИ — месяц длинных ночей,
месяц хризантем.

Октябрь — КАННАДЗУКИ — месяц без богов, месяц георгин.

Ноябрь — СИМПСУКИ — месяц заморозков, месяц кленов.

Декабрь — СИВАСУ — месяц окончания дел, месяц увядания.

ДОВЕРИЕ. ВСТРЕЧА ПОД ЗОНТОМ В МЕСЯЦЕ ХРИЗАНТЕМ

Святылище Лунного медведя было очень маленьким и скромным, но для Куматани Кенты оно навсегда останется самым сокровенным, самым важным. Здесь он играл в детстве, здесь мальчишкой помогал матери, а юношей — вместе с ней облегчал страдания людей. До сих пор не верилось, что надо уходить.

Кента сомневался — а готов ли он к самостоятельной жизни? Ведь его место здесь. Эти доски помнят тепло его коленей, а стены — звук голоса, читающего молитвы. Он не видел себя вне родного святылища, вне этой затерянной в лесах деревеньки.

Дернув за веревку, чтобы прозвенел колокол, он трижды хлопнул в ладоши и, зажмурившись, по-

просил богов обернуть все вспять, хотя знал, что те не станут исполнять ничтожные желания кого-то вроде Кенты. Мать, молящаяся перед скрытым в тени алтарем, выпрямила спину и обернулась через плечо. Улыбка осветила немолодое, но все еще самое прекрасное в мире лицо.

— Кента-кун, ты зашел просить благословения перед дорогой?

— Да, матушка. — Он поднялся по ступеням и опустился рядом с ней, но слова молитвы не шли в голову, забитую переживаниями, стыдом, сомнениями и страхами — всем тем, к чему Кента за свои семнадцать лет еще не привык. О чем же просить божественного покровителя? О легком путешествии и удачном разрешении дела? Или о здоровье и благополучии матушки, что остается при храме совсем одна? Или попросить Лунного медведя позаботиться о людях из деревни, коли сам он уже этого сделать не сможет? Когда-нибудь, но не сейчас.

— Однажды этот день наступил бы, сынок, — тихо сказала матушка. — Ты же знаешь и сам.

— Но мне вовсе не обязательно уходить, — возразил он, понимая, что это ложь. — Я не хочу становиться оммёдзи.

— Боги дали тебе этот дар, милый, и не нам решать, что с ним делать. — Она погладила его по волосам, и Кента, как когда-то в детстве, склонил голову

к ее коленям, теплым, мягким. Уткнувшись в них, можно было спрятаться от всех бед. — Мы столько лет молились, чтобы небеса послали нам тебя, но у всего есть срок, и пришел мой отпустить ребенка из-под своего крыла.

От матери пахло травами, свежим чаем и свечным воском, Кента вдыхал глубоко, чтобы надыхаться впрок. Прежняя обида, что вспыхнула в час, когда на него указал первый палец, заворочалась, глухо застонала в душе, но выдать ее нельзя. Матушке и без того непросто.

— В Ямато много дорог и много тех, кто по ним ходит, — напутствовала она ласково и немного грустно, — ты повстречаешь хорошие пути и добрых людей, но можешь пойти и кривой тропкой и столкнуться с людьми дурными и мелкими сердцем. В такие моменты остановись и подумай, что именно испортило их?

Кента лежал, и материнская рука гладила его по волосам и спине.

— Никого не обижай зазря, ни человека, ни духа, но и себя в обиду не давай. Любую жизнь уважай, слышишь? В каждой травинке и в каждой твари есть душа, Кента, и она ничуть не менее ценна, чем твоя или моя.

— Я помню об этом, мама.

Он выпрямился и посмотрел ей в лицо.

— Обещаю, что не опозорю вас с отцом и стану таким оммёдзи, которым бы вы гордились.

— Я тобой и так горжусь. Лучше постарайся стать таким, чтобы самому собой гордиться.

Кента не был уверен, что понимает, все-таки он никогда не покидал деревню и не считал себя особо умным, разве что умел читать и писать, знал много историй об удивительных событиях, чудесах и героях, понимал в людских болезнях и разбирался в многообразии невидимого смертным, но все еще понятия не имел, что скрывается в мире за пределами леса. Ему нравилось здесь. Он был уверен, что нравится.

На самом деле Кенте просто не приходило в голову усомниться.

Его котомка — легкая, только с самым необходимым — ждала возле торий, которых никогда не покрывала краска, но от этого они ничуть не теряли в важности. Кента вышел к ним и коснулся шершавой деревянной опоры. Мама стояла рядом, прижав руки к груди. На лице ее застыла улыбка, а в глазах тоска.

— Ты взял четки? — спросила она взволнованно.

— Да, конечно, взял. — Это была память об отце, и Кента никак не мог бы забыть их перед дальней дорогой.

— Надень, — велела мама. — Надень и не снимай, что бы ни случилось. Это твоя защита, Кента. Поклянись, что не расстанешься с ними ни на миг.

Кента растерялся. Он, как и все, верил в силу оберегов и талисманов, однако горячность матери его смутила.

— Не переживай, мама, я буду носить их не снимая. Обещаю.

— Если бы я могла не отпускать тебя...

Плечи ее все-таки опустились, спина сгорбилась, и перед Кентой была уже не служительница святилища Лунного медведя, а женщина, расстающаяся с любимым дитя, как перед этим рассталась с любимым супругом. Сердце Кенты сжалось от боли, и он улыбнулся, широко растянув губы, как бы ни хотелось обратного.

— Все будет хорошо, мама. Заботься о деревне и молись за меня и за отца. А я напишу, как устроюсь. Пока со мной твои молитвы, не случится ничего дурного. — Он взял ее руки и с нежностью сжал. — Значит, и правда такова моя судьба. И... не вини никого, ладно?

— Ты очень хороший мальчик, Кента. Твой отец, где бы он сейчас ни был, гордится тобой.

— Если... Когда он вернется, ты дашь мне знать?

Взгляд матери потеплел, и все же вместо ответа она высвободила ладонь и погладила его по щеке.

— Пусть боги будут к тебе благосклонны, сын. Ступай.

Пронзительно вскрикнула в предрассветной тиши птица. Кента поднял с земли котомку и, махнув на прощание, направился прочь. Деревенские уже просыпались и выходили из домов, чтобы проводить взглядами — кто сочувствующим, кто злорадным, кто торжествующим. Тело несчастной Айко сожгли, и злоба людей утихла, но Кента все еще продолжал ощущать ее тяжесть, проходя двор за двором. Груз несправедливых обвинений давил на плечи, и он с трудом держал спину ровно. «Мы ценим твои заслуги, Кента, и заслуги твоей семьи, потому и просто изгоняем. Тому, кто принес беду в деревню, в ней больше нет места», — так они сказали, и как бы ни просила за него мать, никто не изменил решения.

Когда отец еще не ушел, он часто говорил совсем маленькому Кенте: на людей, что умеют и знают больше других, всегда будут смотреть иначе, особый дар — это барьер от сил зла, но и от простых людей тоже. На околице Кента все же обернулся и увидел старика, которого в прошлую весну выходил от лихорадки, и тот с теплой улыбкой помахал ему. Кента кивнул, и шаг сделался легче, а ложные наветы слетели, как прошлогодняя листва. Если хотя бы один человек будет вспоминать его добрым словом, этого

вполне достаточно. Повеселев, он поудобнее перехватил котомку и бодро зашагал на восток.

Первый день путешествия подходил к концу, и безоблачное голубое небо месяца хризантем за спиной Кента налилось мрачной краснотой. Посвежело, и разгоряченное длительной ходьбой лицо приятно остужал поднявшийся ветер. Кента остановился и посмотрел вверх.

— Надо бы поискать ночлег, — сказал он сам себе и задумался. Поскольку он впервые так далеко ушел от родных краев, понятия не имел, куда можно податься, чтобы не спать на голой земле. Однако куда ни кинь взгляд не видно ни намека на человеческое жилье, только пустырь, густо поросший высокой травой, да холмы с низкими деревьями в отдалении. А меж тем Кента устал, проголодался и сильно сомневался, что с наступлением сумерек не заблудится окончательно. Следовало дожждаться рассвета и дальше идти, ориентируясь на светило. Но где же устроить привал?

Кента продолжил путь, все больше сбиваясь с дороги, но заметил это лишь когда уже шагу нельзя было ступить, не запутавшись в густой траве. Колочий кустарник, незаметный издали, вблизи оказался непролазным, и, обходя заросли, Кента совсем выбился из сил. А меж тем солнце почти